

18+ АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВ

Прага сквозь века

Василий Кириллов

Прага сквозь века

«Издательские решения»

Кириллов В.

Прага сквозь века / В. Кириллов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-539192-6

Прага — это замечательный город в самом сердце Европы, во многом сохранивший свою первозданную красоту. В его архитектуре чудесно переплелись разные исторические стили. Чарующую атмосферу улиц и площадей Праги с искренней любовью воспевали в своих произведениях не только чешские, но и некоторые иностранные писатели...

ISBN 978-5-00-539192-6

© Кириллов В.
© Издательские решения

Содержание

Г Л А В А I	6
Романтическая «готика» чешской столицы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Прага сквозь века

*Связь человека с местом его обитания – загадочна,
но очевидна. Или*

*так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним
geniusloci,*

*гений места, связывающий интеллектуальные, духовные,
эмоциональные явления с*

*их материальной средой. Для человека нового времени главные
точки приложения*

*и проявления культурных сил – города. Их облик определяется
гением места, и*

представление об этом – сугубо субъективно...

П. Вайль

Василий Кириллов Автор-составитель

ISBN 978-5-0053-9192-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Г Л А В А I

Романтическая «готика» чешской столицы

Прага... Кто хоть раз побывал в этом удивительном городе, наверняка, сохранил о нём в душе самые приятные и тёплые воспоминания. Живописные улочки старой чешской столицы, красивые площади, готические храмы и барочные церкви, набережные, застроенные фешенебельными зданиями – всё это далеко не полный список достопримечательностей Праги.

В солнечную погоду город поражает взгляд сиянием ржаво-красных черепичных крыш, хорошо обозреваемых из окрестностей бывшей королевской резиденции на Вышеграде. Это одна из самых возвышенных точек здешнего ландшафта. А вообще поговаривают, что Прага была основана на семи холмах, подобно Риму. Хотя утверждать подобное с полной уверенностью вряд ли возможно, поскольку город не создавался изначально как единое целое. В основу Праги легли несколько поселений, существовавших до определённой поры автономно. Градчаны, Мала Страна, Старое Место – всё это районы Праги, которые формировались в разные хронологические периоды и представляли собой некогда отдельные образования.

Однако, как гласит старинная легенда, славянские племена, дойдя до берега Влтавы, поселились на продуваемом всеми ветрами скалистом холме и именно здесь дочери их вождя – княжны Либуше – было видение. Перед ней внезапно раскинулся город на реке, и голос откуда-то свыше произнёс, что новую столицу Чехии надлежит заложить там, где она впервые встретит человека, сооружающего порог своего дома.

«Княжна Либуше» (иллюстрация с картины К. В. Машека)

Конечно, в легенде больше вымысла, нежели правды. Современные археологические исследования доказывают, что первые поселения возникли на нынешней территории Градчан. И именно оттуда взяла своё начало Прага. Однако, во второй половине XIX – начале XX столетия, в период мощного подъёма национального самосознания, наполненного глубоким романтическим пафосом, чехи больше верили в старинные предсказания и легендарные истории.

Своеобразным подтверждением беззаветной любви к прошлому своего народа явилась картина известного художника Карела Витезлава Машека, с изображением в полный рост величественной княжны Либуше. Полотно, выдержанное в исконных традициях живописи символизма, буквально, завораживает. Женская фигура в расшитом красочными узорами платье будто бы возникает из тьмы ночного неба и, кажется, таинственным белым призраком, миражом или как, наверное, сказали бы нынешние писатели-фантасты, визуальной голограммой.

В народе из уст в уста на протяжении многих веков передавалась и ещё одна романтическая легенда. Поговаривали, что Либуше убаюкивала своего первого сына в золотой колыбели. Когда он вырос, княжна якобы опустила колыбель в глубокий омут под вышеградской скалой, на самое дно реки. После этого Либуше произнесла слова пророчества: «Золотая колыбель будет скрыта в водах Влтавы до той поры, пока не родится в Чехии правитель её достойный».

Проходили целые вереницы десятилетий, а колыбель всё оставалась на дне и не показывалась на свет. Но однажды ночью она вынырнула из пучины на поверхность воды. Произошло это в тот самый день, когда у королевы Элишки – последней женщины из славного рода Пржемысловичей – родился сын Вацлав, ставший впоследствии не только правителем Чехии, но и властителем Священной Римской империи Карлом IV. Элишка поместила младенца именно в эту золотую колыбель, которая затем сама начала увеличиваться в размерах по мере роста мальчика. В конечном итоге, она превратилась в удобное ложе, на котором монарх полюбил отдыхать в свободное время. После смерти Карла IV волшебная золотая колыбель, по преданию, опять вернулась на дно глубокого омута на реке Влтаве.

С Вышеграда значительная часть панорамы Праги видна, как на ладони. История оставила заметный след в облике города, удивительно приукрасив его. Здания разных эпох на правом берегу Влтавы образуют сложные архитектурные комплексы, включающие в себя множество выразительных элементов, скульптуру и богатый декоративный антураж. Созерцание всего этого хитросплетения изящных форм, неизменно, настраивает на мажорный лад. В облике Старого и Нового Места, Нижнего города в целом, ощущается нечто музыкальное, что-то вроде тонкой лирической интонации, способствующей праздничному настроению.

И, напротив, левый берег Влтавы кажется почти застывшим изваянием или монументальной картиной, созданной для почитания её благодарными потомками. Величавые башни собора св. Вита, королевские дворцы, стоящие на скальных возвышениях и, буквально, утопающие в пышных зелёных кронах могучих деревьев, выглядят настолько импозантно, что невольно заставляют вспомнить о красках и холсте.

Вид Карлова моста в Праге (фото 2010-х годов)

Над водной гладью реки пролегают сразу несколько мостов, связывающих основную часть города с бывшей резиденцией чешских монархов – районом Градчаны. По одному из них спешат трамваи, чтобы затем по серпантину дорог взобраться на высокое клиновидное плато, к богато украшенным дворцам именитых в прошлом дворян и площади перед древним храмом. А чуть поодаль наш взгляд притягивает ещё один мост, всецело отданный во власть пешеходам – длинный и значительный по ширине, с выложенными из камня массивными опорами и эффектными арочными пролётами. Это в своём роде визитная карточка города.

Карлов мост! Великолепное творение зодчего Петера Парлержа и его сыновей!

Известно, что великий мастер в своё время успел спроектировать и построить лишь одну из двух красивых башен, завершающих мост на берегах. Высокая кровля в форме шлема и четыре стройные турели по углам придали ей яркую выразительность.

Мостовую башню Старого Места ряд специалистов по праву относит к числу лучших сооружений поздней готики в Европе. Бытует мнение, что в старину башня имела двойное предназначение. Её ворота, оснащённые спускающейся решёткой, являлись частью не сохранившегося поныне крепостного укрепления. В обычные дни по так называемой королевской дороге проходило множество людей. И ворота, выделенные красивым дуговым архивольтом, превращались в некое подобие триумфальной арки на восточном берегу реки. Следует добавить, что высота башни составила около 47 метров и с её верхних галерей, в Средневековье, обеспечивалось хорошее обозрение прилегающих улочек и малоэтажных домов, когда-то формировавших общую застройку Старого Места.

Строительство Карлова моста в Праге было поистине эпохальным событием. Переправу через Влтаву делали с расчётом на то, чтобы она простояла многие века без серьёзных реконструкций. На стене, которая связывает башню моста с монастырём Ордена Святого креста, со стороны реки можно и в наши дни заметить бородатую голову, вытесанную из камня. Чехи говорят, что таким образом первый строитель моста решил увековечить о себе память. Но неизвестно, правда это на самом деле или очередная легенда!?

Каменный мост появился в Праге ещё в XIV столетии, на месте бывшего моста Юдифи. А Карловым его назвали много лет спустя в честь прославленного чешского короля и, одновременно, властителя Священной Римской империи. Монарх уделял немало времени наблюдениям за строительными работами. В известковый раствор, скрепляющий между собой тяжёлые каменные валуны и кирпичные поверхности, по его распоряжению, специально, добавляли яичный желток, который способствовал особой прочности кладки. Возы, нагруженные яйцами, прибывали в Прагу из разных концов Чешского королевства. Жители каждой провинции старались, как могли, угодить всеми любимому славному правителю. И так случилось, что волею случая произошёл казус, о котором ещё долгие годы вспоминали потомки.

Яйца, привезённые на возах, строители, обычно, не церемонясь, разбивали и бросали в известковый раствор. Но однажды над ними кто-то хорошо подшутил. Прибывший в Прагу воз из Вельвар оказался доверху наполненным сваренными вкрутую яйцами. Каменщики вначале пришли в недоумение, а потом несколько дней смеялись вместе с горожанами, сумевшими по достоинству оценить чей-то забавный розыгрыш.

Комические и трагические эпизоды непостижимым образом переплетены в чешской истории. Когда-то, в Средние века, на Карловом мосту ещё возвышался деревянный крест с Распятием. Он был хорошо виден из окон дворцов на Градчанах. В 1419 году крест был уничтожен гуситами, поскольку неизменно служил для пражан печальным местом, где осуждённые на казнь приносили свою последнюю молитву.

С восстановлением королевской власти в Чехии крест восстановили. И опять ему пришлось простоять не более века. Чешская королева Елизавета Стюарт – жена Фридриха Первого (прозванного в народе «Зимним королём») – в своё время начала часто высказывать недовольство, что крест на Карловом мосту слишком большой и мешает ей смотреть на Старую Прагу. Поговаривали, что однажды зимой, проезжая через Влтаву на санях, она даже произнесла фразу о том, что, дескать, не может больше видеть «этого нагого бородача на кресте».

Королю Фридриху так надоели постоянные упрёки и нарекания его «благочестивой» супруги, что ему пришлось некогда приказать сбросить крест в воду. Однако уже вскоре на том же месте появилось каменное изваяние «Голгофы». Навсегда покидая Прагу, после проигранной её мужем битвы на Белой горе (8 ноября 1620 года), Елизавета Стюарт была вынуждена снова проехать через реку и увидеть восстановленную каменную скульптуру с распятым Христом.

Множество статуй на парапетах Карлова моста – это уже наследие эпохи барокко! В своём роде дань славному историческому прошлому. Целых 30 фигур святых, воссозданных руками талантливых скульпторов! Они были призваны стать символом возрождения в Чехии католической веры после затянувшихся гуситских войн. В скульптурах было ярко запечатлено соревнование двух разных творческих концепций. Статуи Фердинанда и Микаэля Брокофа зрительно производят ощущение мощи, а Матиаша Брауна, напротив, больше тяготеют к изяществу и грациозности.

Летние впечатления обычно самые яркие и запоминающиеся. Так уж устроен человек, что ему всегда ближе ощущение тепла и солнечного света. Между тем, в зимнюю пору Карлов мост, наверное, не менее экстравагантен. Ненароком вспоминается, как в своё время описал его в своём известном романе «Голем» австрийский писатель Густав Майринк. Рассказывая о похождениях главного героя произведения, он отметил:

«Я шел под арками переплетающихся улочек Старогородского Кольца, мимо бронзового фонтана, изящные барочные решётки которого были сплошь увешаны сосульками, дальше через каменный мост со статуями святых и с фигурой Иоанна Непомука.

Внизу клочкотала река, в дикой злобе ударяя в каменные быки.

Мой полусонный взгляд упал на выщербленную песчаниковую фигуру святой Лутгарды, обречённой на невыносимые страдания; хлопья снега густо лежали на веках кающейся мученицы и на цепях, сковавших простёртые в молитве руки.

Арки ворот втягивали и выталкивали меня. Передо мной медленно проплывали дворцы, с их резными торжественными порталами, внутри которых львиные головы на бронзовых кольцах раскрывали свои пасти».

Позволим себе и далее обратиться к литературе, чтобы хотя бы в воображении представить то, как чешская столица выглядела в прошлом, в канун наступающего XX столетия, когда в архитектурном облике города стали происходить разительные изменения и его жизнь наполнилась бурной динамикой.

«Вечер» (иллюстрация с картины чешского художника Я. Шиканедера)

Пауль Леппин в своём произведении «Один год из жизни Северина» воспекает Прагу в сумерках, когда дома и улицы медленно погружаются в ореол таинственности. Говоря о внутренних ощущениях Зденки – подруги Северина, писатель замечает:

«Она научилась любить Влтаву в сумерках, когда отражение фонарей с набережной мерцает в зыби вод... Понемногу Зденка поняла тихий говор города, к которому Северин оказался привычнее, чем она, чешская девушка. Ей открылось, что среди потемневших от времени стен, меж башен и дворцов, в этой небывалой холодности, в Северине живет затаённая фантазия, заставляющая вновь и вновь выходить на улицу с чувством, что сегодня его обязательно встретит Судьба».

Пауль Леппин, невольно входя в образ своего героя, вкладывает в его мысли частицы собственных живых воспоминаний. Он пишет:

«В нем зашевелились остатки былых чаяний. По ту сторону реки раскинулась Мала Страна. Он смотрел на неё и Карлов мост, на котором парами, как школьники, стояли скульптуры в длинных церковных одеяниях. Воздух ещё веял Днём Яна Непомуцкого, и тихие воды несли опавшие цветы влтавской акации к ногам святого. С моста не успели убрать деревянные леса со стеклянными лампадками перед статуей мученика: сюда каждый год из деревень приезжали паломники почтить своего покровителя. Северин вспомнил, что в детстве, и он с нетерпением ждал празднования памяти богемского святого. В канун этого события они с отцом шли на набережную, где уже толпился народ. С наступлением темноты зажигались фейерверки, и тонкие ракеты с негромким потрескиванием взмывали в небо. Под мостом проплывали украшенные огнями лодки, вверху перед алтарем святого Непомука молились крестьяне».

«Улица в зимних сумерках» (иллюстрация с картины Я. Шиканедера)

Мечтательные настроения неизменно сопровождают героя произведения П. Леппина и во время других его прогулок по вечерней Праге. Он неизменно стремился к уединению в спокойной обители с целью предаться фантазиям и размышлениям о недавно прожитом дне. Автор, в частности, подчёркивает:

«По пути домой Северин часто заглядывал в открытые двери церкви. С того вечера, в Малой Стране, его тянуло побыть в темноте бокового алтаря, где в нишах застыли статуи с серьёзными лицами, а в красном стекле мерцал неугасимый огонь. Он садился на скамью и замирал на четверть часа. В это время в церковь мало кто заходил, разве что одинокая старушка тенью шаркала по плитам пола. Северин вбирал в себя тишину с жадностью человека, долго прожившего среди шума. В сумраке избранного им укрытия плавным потоком текли мысли, увлекая сердце в загадочный, как в детстве, мир. Словно во сне, перед глазами проплывали видения утра, и в полутьме он смотрел на волны Влтавы и низкие фронтоны Градчан...»

«Улица с дрожкой» (иллюстрация с картины Я. Шиканедера)

Между тем, наступление темноты приближающейся ночи уже приводило Северина в смятение и рождало у него чувство страха. П. Леппин вновь проникает во внутренний мир своего героя и как бы опереживает вместе с ним тревожную атмосферу современного ему города. Автор честно признаётся:

«Нет, иным взором он прежде обозревал кварталы этого старинного города... Улицы словно спутывались в лабиринты, на пороге каждого дома, подсознательно, ощущалось предчувствие беды. Сердце, казалось, будто бы „трепыхалось“ между сырых, враждебных стен; а тьма проникала в слепые окна, умертвляя души спящих. Сатана уже везде успел расставить силки – в церквях и в домах блудниц. В их смертельных поцелуях обитало его дыхание; облачившись в рясу монахини, он отправлялся на разбой...»

Франц Кафка в «Описании одной борьбы» создаёт откровенную картину гротеска. Он описывает гололёд в Праге и заставляет персонажа, от лица которого ведётся рассказ, буквально, метаться по мрачным улицам, время от времени теряя равновесие. Предвестием грозных катаклизмов для него становится игра лунного света на статуи Карла IV и её символи-

ческое падение во тьму, намекающее на конец «старого мира» и наступление меркантильной буржуазной эпохи.

Под сводом башни Карлова моста (фото автора 2010-х годов)

Герой произведения Кафки, чтобы насладиться видом луны, мечтает найти для себя укрытие под сводом башни Карлова моста, чтобы окончательно привести в порядок собственные мысли. Покидая суетный мир кабачков, пивных и прочих увеселительных заведений, персонаж будто бы стремится «раствориться» в исторических реминисценциях и преклонить голову перед фигурами мучеников. Анонимный герой, несущий в себе мысли писателя, уходит далеко в своих фантазиях и подмечает:

«Я, взяв более быстрый темп, поднялся над перилами и вплавь кружил возле каждой статуи святого, которую встречал на пути...»

Мир Франца Кафки весьма сложен для понимания. Образы, которые рождает его сознание, понятны далеко не каждому. Тем не менее, следуя за героем «Описания одной борьбы», мы незаметно перенеслись с холма Вышеграда к подножию Староместской башни на Карловом мосту. Путешествие в пространстве всегда занимает определённый временной отрезок, но для полёта фантазии достаточно лишь мгновения.

Староместская башня Карлова моста (фото автора 2010-х годов)

Непревзойдённое творение Петера Парлержа! Башня простояла уже не одну сотню лет и, даже трудно себе представить, сколько же самых разных событий пережила?! Её восточный фасад с эпохи Средневековья сохранился почти без изменений. Только верхняя неоготическая галерея относится к концу XIX столетия. Она была достроена по проекту известного в Праге архитектора Йозефа Моцкера. Там, наверху, с давних пор на поверхности стен остались начертанные на непонятном языке причудливые надписи. Не исключено, это были какие-то заклинания против злых духов.

Со Староместской мостовой башней тоже связывали некоторые из пражских легенд. В старину поговаривали, что под покровом ночи в город с малостранской стороны иногда приезжает запряжённая огненными козлами чёрная карета. Ей, дескать, управляют злые силы, которые грозят жителям всевозможными бедами. Но преодолеть ворота башни упряжка не может и раз за разом срывается в реку.

Существовало также и поверье о таинственной ночной птице – сыче, который неизменно появляется на башне и своим печальным криком предвещает наводнения и пожары.

Однако в реальности здесь некогда произошли гораздо более страшные события. Почти десять лет под сводами башни висели головы 12 чешских панов, казнённых за участие в восстании против Габсбургов в первой трети XVII столетия. Впрочем, это событие уже никак не было связано со Средневековьем. Оно, скорее, являлось формой надругательства над магическим для каждого из пражан местом.

В Средние века Влтава слыла бурной и непокорной рекой. В Праге время от времени случались наводнения. Нижний город неоднократно затапливало, что заставляло жителей покидать свои дома, а затем, вернувшись, подолгу вычерпывать воду из подвальных помещений и нижних этажей.

Обустройство прочного каменного моста на месте бывшего моста Юдифи тоже не было исключительно причудой императора Карла. Прежде существовавшую переправу неоднократно сносило потоками воды. А мост, сам по себе, имел большое значение для чехов. В Праге пересекались важные торговые пути, идущие из Центральной Европы в страны Востока. На бывшем мосту Юдифи, сооружённом ещё в романскую эпоху, с проезжающих купцов с товарами взимались немалые пошлины, заметно обогащавшие государственную казну.

Пожалуй, единственным положительным моментом было только то, что Влтава обеспечивала пражанам достойное пропитание. В Средние века рыба в реке водилась в изобилии

и часто подавалась к столу. Подмастерья из ремесленных лавок даже иногда жаловались своим хозяевам на то, что их чуть ли не каждый день кормят лососиной.

У Влтавы в старину была, ко всему прочему, и дурная слава. О жестоких нравах прошедших столетий говорят написанные готическим шрифтом манускрипты. В реке в специальных ивовых корзинах топили людей, замеченных в воровстве и иных преступных деяниях. В мутные воды Влтавы некогда сбросили и тело Яна Непомуцкого – каноника, в чём-то сильно не угодившего чешскому королю Вацлаву IV. Впоследствии, его как мученика за веру причислили к рангу святых. Иезуиты в XVII столетии даже стали насаждать культ Яна Непомуцкого, и тогда же на Карловом мосту появилась одна из скульптур работы Я. Брокофа, посвящённая легендарному герою национальной истории.

На сводах готической арки, прорезанной в «теле» старинной мостовой башни, до наших дней сохранились фрески. Поверхность восточного фасада украшают рельефы, изображающие гербы городов, которыми в далёкую эпоху управлял Карл IV. А чуть выше помещено скульптурное изображение святого Вита – покровителя чешских земель – в обрамлении двух портретов наиболее прославившихся чешских королей. Раньше, в Праге, ему неизменно приписывали патронаж над Карловым мостом. Культ святого проник в Чехию ещё в десятом столетии, когда князь Вацлав лично получил от римского короля Индриха I Птицелова ценную священную реликвию – руку мученика Вита.

Фасад башни расчленён карнизами на четыре яруса. Они также подразумевают некое символическое прочтение. Как известно, по представлениям средневековых астрологов, мир состоял из нескольких сфер – подземной, лунной, солнечной и звёздной.

Зоркий и внимательный глаз, наверное, заметит и на некоторых рельефах изображение птицы. Зимородок – олицетворение человеческой души – в народе верили, что он может защитить от молнии и даже усмирить шторм. Красивую птицу издревле считали одним из символов бессмертия и вечности.

Любое крупное строительство в Средние века не обходилось без предварительного похода к астрологу. В далёком прошлом он считался учёным, которому было под силу предсказывать грядущие события. Астрологи внимательно наблюдали за движением небесных светил в непроглядной тьме ночного неба. Кроме того, они хорошо владели основами математики и имели определённые знания в других прикладных науках. Неизвестный пражский астролог, по свидетельствам историков, даже назвал королю Карлу IV точную дату и время закладки нового моста через Влтаву. Первый камень в его основу был положен ранним утром, в 5.31 по местному времени, 9 июля 1357 года. Любопытно, что это ряд цифр одинаково прочитывался и в ту и в другую сторону (1357 9.7. 5.31). Такая «фантазмагория» чисел, по мысли астролога, гарантировала новому сооружению нерушимость.

Однако сама жизнь опровергла наивное предсказание средневекового учёного-астролога. Карлов мост пережил несколько наводнений, но при этом дважды оказался разрушенным.

Впервые это произошло в феврале 1784 года. Тогда разломанные плоты и тяжёлые льдины забили арки моста и его пять пилонов серьёзно пострадали от мощного напора воды. Ещё более разрушительным оказалось наводнение в сентябре 1890 года, когда затоплению также подверглась значительная часть Старого Места. И как будто в насмешку над заклинаниями астролога мост разрушился именно в полшестого утра. Массы брёвен и разнородный плавающий мусор, несомые могучим течением реки, снесли две опоры моста и вызвали обрушение арок конструкций. В мутных водах Влтавы тогда навсегда исчезли четыре барочные скульптуры, стоявшие на парапетах.

Вновь отреставрированный мост в мае-июне 1902 года увидел знаменитый французский скульптор Огюст Роден, посетивший Прагу в связи с открытием персональной выставки его работ, устроенной по инициативе Союза чешских художников имени Йозефа Манеса. В воображении «мэтра» нового искусства возникла довольно необычная ассоциация. О. Роден

сравнил мост с фигурой кентавра. Башня на Староместской стороне напомнила ему голову-грудь мифического древнегреческого существа, а мощь пилонов, поддерживающих широкие арки, его сильные звериные лапы. Похоже, что Карлов мост более всего произвёл впечатление на французского скульптора в Праге.

Перейдя на левый берег Влтавы, мы оказываемся у подножия ещё двух башен. Через арочные ворота, расположенные между ними, открывается проход на Малую Страну и Градчаны. Более низкая и тяжеловесная башня осталась ещё от бывшего моста Юдифи. Она была заложена в романскую эпоху, а затем существенно перестроена в пору Ренессанса. Более высокую и стройную башню датируют XV столетием. По замыслу архитекторов, своим обликом сооружение должно было перекликаться со знаменитым творением Петера Парлержа на правом берегу. Тем не менее, башня не получила столь богатого внешнего оформления, а в конце XIX века претерпела реконструкцию, проведённую под руководством зодчего Йозефа Моцкера. А насколько известно, признанный в Чехии мастер реставрации был поклонником старой готики, освобождённой от излишнего декора и наслоений последующих архитектурных стилей.

Малостранские башни, хотя и не менее импозантны, вряд ли представляют интерес для пытливого ума исследователя. А потому снова облачимся крыльями и за несколько мгновений перенесёмся на центральную площадь Градчан, к стенам знаменитого собора в честь святого Вита.

Можно сказать без преувеличения, что это подлинный шедевр чешской готики. Длина центрального нефа храма составляет около 124 метров, сводчатые перекрытия уходят на высоту более 30 метров, а Южная башня вздымается к небесам на сто метров!

Кафедральный собор св. Вита в Праге (фото автора конца 1980-х годов)

Собор, как и великолепный мост через Влтаву, начали строить в годы правления славного короля Карла IV. По его приглашению в Прагу специально приехал видный фламандский зодчий – Матёй из Арраса. Он активно принялся за дело и руководил строительством храма вплоть до своей кончины в 1352 году. За основу проекта были взяты традиционные планы французских готических церквей. Почти за 8 лет были сооружены аркады главного нефа собора и несколько часовен.

Начинания Матёя Арраского продолжили Петер Парлерж и его сыновья. К 1366 году плодом совместных усилий зодчих стало появление часовни св. Вацлава, богато оформленной вмонтированными в стену полудрагоценными камнями и росписью на тему Страстей Господних. А через 20 лет состоялось освящение полностью законченной восточной части собора. До рубежа XIV—XV вв. семейство Парлержов ещё успело приступить к сооружению хоров, трифория и части трансепта храма. Под их руководством были возведены и знаменитые Золотые ворота, а также заложен фундамент гигантской южной башни-колокольни, которую уже впоследствии достроил мастер Петрилк.

«Золотые ворота» пражского собора (фото автора конца 1980-х годов)

Неожиданно грянувшие в 1419 году кровопролитные гуситские войны надолго приостановили работы по сооружению кафедрального собора в Праге. Несколько столетий он так и стоял недостроенным. Вступавшие на чешский трон монархи уже не могли позволить себе настолько значительные финансовые расходы. Государственная казна заметно истощилась не только после гуситского восстания, но и последовавших в XVII столетии кровопролитных батальей Тридцатилетней войны, охватившей значительные территории Центральной Европы.

В то время, когда сооружались отдельные элементы собора св. Вита в Праге, на чешской земле началось строительство и ещё одного величественного готического храма – церкви св. Барбары в Кутна Горе. Жители небольшого провинциального города, заметно разбогатевшие на доходах от серебряных рудников, не побоялись бросить вызов столице. В XIII—XIV вв. в Кутна Горе проживало немало состоятельных бюргеров, как чешского, так и немецкого про-

исхождения. Многие из них даже могли позволить себе строить каменные дома, богатством внешней отделки не уступавшие пражским.

Чудом уцелевший готический каменный дом в Кутна Горе (фото автора конца 1980-х годов)

Собор св. Барбары, посвящённый покровительнице горняков и шахтёров, заложили в 1388 году. И автором его проекта стал ни кто иной, как один из представителей прославленного в Чехии семейства зодчих – мастер Ян Парлерж Младший. Храм и на этот раз был задуман по образцам французских соборов. Бросая вызов столице, «кутногорцы» решили сделать свою базилику не с тремя, а с пятью нефами.

До начала гуситских войн были сооружены из местного сорта песчаника внешние стены храма, а сводчатые перекрытия начать строить не успели. Вплоть до 1547 года внутреннее пространство базилики, по сути, не было защищено от дождей.

В конце XV – первой половине XVI века собор в Кутна Горе всё-таки почти удалось достроить. Работы были произведены под руководством двух хорошо известных в Чехии в пору господства поздней или так называемой интернациональной готики мастеров – Матея Рейсека и Бенедикта Рида. В храме появилось новое перекрытие с сетевыми крещатыми сводами, просветлённое рядами больших окон.

Собор св. Барбары в Кутна Горе (фото автора конца 1980-х годов)

На рубеже XIX—XX вв. над внешним обликом храма в честь св. Барбары (Варвары) потрудились вместе со своими коллегами архитектор-реставратор Йозеф Моцкер. Яркий поклонник «пуризма» в готике, он демонтировал барочную крышу, заменив её на три выразительных готических шатра. Некоторые изменения претерпел также западный фасад собора.

Йозефа Моцкера, зачастую, ругали в начале XX столетия, что он своими работами искажал первоначальный вид исторических памятников. В Чехии его «нововведения» были во многом сродни тому, которые осуществлял Э. Виолле-ле-Дюк во Франции. Между тем, мы сейчас с удовольствием наслаждаемся красотой и экстравагантностью храма в Кутна Горе, не задумываясь над его полным соответствием бывшему средневековому решению. Йозеф Моцкер не только сумел мастерски отреставрировать готическую базилику, но и придать ей более цельный, яркий и выразительный силуэт.

Собор св. Вита в Праге строился также долго, как и грандиозные храмы в Ульме и Кёльне в Германии. Его полностью закончили только в начале XX столетия. И опять же завершать начатую ещё в далекую старину работу пришлось именно Йозефу Моцкеру. Волею обстоятельств его реставрационной артели предстояло поучаствовать в большинстве архитектурных реставраций в Праге, а также ряде других чешских городов.

Башня собора св. Вита в Праге (фото автора конца 1980-х годов)

Обстановка собора св. Вита была описана Яном Нерудой в одном из его рассказов из цикла «Малостранские повести». В «Мессе святого Вацлава» речь идёт о том, как ещё мальчуганом автору пришлось однажды ночью очутиться внутри огромного храма, который своими размерами будто бы выражал идею недостижимого божественного величия. Вот как он, в частности, передал свои мечтательно-фантастические ощущения:

«Весь высокий простор нефа залит лёгким серебряным сиянием. В окна пробивается свет звёздной ночи и, кажется, свет луны. Я подхожу к перилам и гляжу вниз, глубоко вдыхая своеобразные церковные запахи – смесь благовоний и плесени. Подо мной белеет большая мраморная гробница, напротив, у главного алтаря, мерцает второй неугасимый светильник, а на золотых стенах алтаря словно дрожит розовый отблеск. Я волнуюсь. Какова-то будет эта месса святого Вацлава! Колокол на башне, конечно, не зазвонит, ведь его услышал бы весь город, и месса перестала бы быть тайной. Но, наверное, прозвенит колокольчик в ризнице, заиграет орган, и процессия, озарённая тусклым светом, медленно пойдёт вокруг главного алтаря и через правый притвор к часовне святого Вацлава. Процессия, наверное, будет такая же, как

бывает у нас по воскресеньям на дневном богослужении, другой я не мог себе представить. Впереди понесут блестящие металлические фонари на красных шестах... Понесут их, наверное, ангелы, кому же ещё! Потом... А кто же пойдет за певчих? Наверное, те каменные раскрашенные бюсты, что стоят наверху, в трифории: чешские короли, королевы Люксембургской династии, архиепископы, каноники, зодчие храма. Мысленно я уже видел, как все эти старые господа с каменными очами открывают шествие, но мне, как ни странно, не удавалось вообразить себе их туловища и ноги. Шли одни бюсты, но двигались так, словно они шагали... За ними, наверное, пойдут архиепископы, что лежат сзади, в Кинской часовне, а потом серебряные ангелы святого Яна и с ними, держа распятие в руке, сам святой Ян. За ним вслед – мощи святого Сигизмунда, всего несколько костей на красной подушечке, но подушка тоже как бы идёт. Потом шествуют рыцари в латах, короли и полководцы из всех здешних гробниц. Одни из них в прекрасных одеяниях из красного мрамора, другие, в том числе Иржи Подебрад, в белом. И, наконец, с окутанной серебряным покровом чашей в руках появляется сам святой Вацлав. У него высокая и юношески сильная фигура, на голове простая железная каска, поверх боевой кольчуги надета риза из блестящего белого шёлка. Каштановые волосы Вацлава рассыпались кудрявыми волнами, на лице его величественное спокойствие и приветливость. Я совсем ясно представляю себе это лицо, большие голубые глаза, цветущие щеки, мягкие волнистые волосы... Мечтая о том, как пойдёт это шествие, я закрыл глаза».

Правитель Священной Римской империи и, по совместительству, король чешский Карл IV позаботился и о создании для себя летней резиденции. Её начали строить ещё до того момента, как были заложены первые камни в фундамент собора св. Вита, в юго-западных окрестностях Праги. Совершив же ещё одно короткое путешествие на «волшебных крыльях» к террасам известняковой скалы над стремниной реки Бероунки.

Замок, впоследствии получивший название Карлштейн, проектировал всё тот же Матёй Аррасский, занимавший пост главного зодчего у чешского монарха. Работы начались в 1348 году, а уже в 1355 году, ещё до окончания строительства Карл IV смог обосноваться в своём новом жилище. Собирательство регалий власти и святых реликвий было горячей страстью чешского короля и неприступный замок на скале, по его мнению, являлся наилучшим местом для их долговременного хранения. Самой внушительной и заметной постройкой цитадели стала квадратная башня – донжон, с расположенной внутри часовней св. Креста. Интерьер святилища в характерном для своего времени ключе был расписан ликами пророков и святых известным готическим мастером Теодориком – одним из ярчайших представителей чешского средневекового искусства.

Сооружения замка, в целом, образовали ступенчатую структуру, включившую помимо Императорского дворца Марианскую башню и костёл Девы Марии. Своеобразной «жемужиной» в летней резиденции Карла стала Екатерининская капелла, с разноцветным готическим витражом и интерьером, украшенным лучшими придворными мастерами облицовкой из яшмы, агата и сердолика.

И сейчас замок Карлштейн производит яркое впечатление. Он гордо возвышается на скале среди живописного холмистого ландшафта с зарослями деревьев и кустарника. А в былые века замок и вовсе являлся настоящей твердыней. Карлштейн не смогли покорить ни гуситы, ни шведские завоеватели.

Со временем замок заметно обветшал, и в XIX столетии потребовалось срочное проведение реставрационных мероприятий. В 1887—1899 гг. участие в них приняли профессор Венской Академии художеств Ф. Шмидт и его прилежный ученик, ранее уже неоднократно упомянутый Йозеф Моцкер, внесший огромный вклад в восстановление не только церквей, но и средневековых цитаделей на территории Чехии.

Может быть, и на этот раз реставрация оказалась излишне «вольной», слегка исказив первоначальный внешний облик Карлштейна. Но, тем не менее, она сохранила его для потом-

ков. Мы и теперь наслаждаемся красотой величественного замка, даже не задумываясь о том, что славный чешский монарх, чудесным образом воскреснув и увидев собственную обитель, наверное, пришёл бы в уныние.

Писатель может довольно многое себе позволить. Например, совершить небольшое путешествие в пространстве. Мы за короткий отрезок времени побывали не только в Праге и её окрестностях, но даже и заглянули в Кутна Гору, расположенную на некотором удалении от столицы. Всё это позволило нам в комплексе оценить лучшие произведения готического зодчества в Чехии. Попутно, удалось прийти к некому, весьма интересному умозаключению. Глубокая старина, до некоторого смысла, иллюзорна и воспринимается через призму ощущений архитектора-реставратора, достраивавшего или расчищавшего от наслоений последующих эпох шедевры средневековой архитектуры.

Разумеется, Йозеф Моцкер был сторонником метода «пуризма», т.е. ратовал за подлинность и «абстрактную чистоту» готического стиля, но при этом он сам отнюдь не всегда приближался к истине. В его распоряжении не было полного объёма достоверных сведений о том, как те иные постройки выглядели в далёком прошлом. Зачастую, ему приходилось активно использовать собственное воображение для того чтобы создавать более привлекательные образы реставрируемых им памятников. При этом храмы и замки переживали так называемую «реновацию». Их композиции становились более ясными и продуманными, а внешнее оформление гармоничнее и изящнее.

Фактически, Йозеф Моцкер подходил к той или иной работе творчески, опираясь на свой талант умелого стилизатора. Можно сказать, он заново воссоздал чешскую готику после нескольких веков забвения, вернул к жизни подлинные шедевры национального зодчества. Список восстановленных архитектором памятников достаточно внушителен. Помимо Праги и Кутна Горы Йозеф Моцкер изрядно потрудились над храмами в Колине, Таборе, реконструировал известные замки в Крживоклате и Конопеште.

Почти во всех случаях архитектором сознательно производилась, если можно так выразиться, «реготизация» старинных зданий, избавление в их внешнем оформлении от более поздних ренессансных и барочных элементов – так называемых, деструктивных наслоений последующих эпох. Й. Моцкера при этом никак нельзя было обвинить в «вандализме». Он, так или иначе, всегда преследовал исключительно благую цель и всеми силами пытался вернуть историческим памятникам их былое величие.

Вид с верхнего яруса готического собора (фото автора конца 1980-х годов)

Великолепие чешской готики, пожалуй, лучше других воспел в своих стихах немецкого происхождения поэт Райнер Мария Рильке. Будучи почти современником Й. Моцкера, он с восторгом оценил возрождённое к новой жизни средневековое зодчество. Вот, например, отрывки из стихотворений поэта «У святого Вита» и «Собор», в котором тот не скрывает своих искренних ощущений:

Столь же образно Р.М.Рильке воспринял и сложную работу готических конструкций, передающих друг на друга распор для поддержания большой каменной массы. В стихотворении «Капитель» он констатирует:

Необходимо заметить, что в период «поздней» или так называемой «интернациональной» готики, когда в Чехии уже не создавалось грандиозных и масштабных конструкций для строительства, привычные каркасные элементы начинали использоваться как средства для эстетической выразительности. Хитросплетения гуртов и нервюр на сводчатых потолках становились дополнительным украшением интерьеров. В этой связи хочется упомянуть о знаменитом Владиславовом зале, выстроенном неподалёку от королевской резиденции на Градчанах в конце XV века по проекту зодчего Бенедикта Рейта из Пистова.

Первоначально используемый как тронный, зал имел достаточно значительные размеры (15х68 метров). Всё его развитое в глубину пространство было перекрыто шестью обычными

крестовыми сводами. Однако зодчий, желая угодить королю Владиславу II, создал на потолке прихотливый рисунок нервюр, изгибающихся по кривым линиям и образующих некое подобие шестилепестковых цветков. В эстетическом плане интерьер сооружения из-за этого заметно выиграл, дополнился ярким декоративным эффектом, никак не обусловленным принципами целесообразности.

Как известно, интерес к «готике» в Чехии, как и в других европейских странах, в XIX столетии возник на волне широкого романтического течения, охватившего почти все сферы изобразительного искусства и литературу. «Готика», сама по себе, превратилась в одну из анти-тез заметно поднадоевшему классицизму. В архитектуре даже сформировалось определённая «неоготическая» стилистика. Храмы в европейских городах опять начали возводить в формах, кажется, уже давно забытого средневекового зодчества, но, разумеется, ни как в старину, а с учётом применения на практике новых строительных технологий и современных материалов.

Готические конструкции Владиславова зала (фото автора конца 1980-х годов)

В результате смелых экспериментов ряда архитекторов лёгкие ажурные конструкции, состоящие из нервюр, гуртов и аркбутанов, стали не только всё шире употребляться, но и пленять сердца добропорядочных прихожан католических храмов. Более того, для жителей ряда стран, таких как Германия, Англия или Чехия, «неоготика» в символическом значении начала ассоциироваться с выражением национальной гордости и преклонением перед творчеством старых мастеров.

Показательно, что в Европе в XVIII – XIX столетии начала реабилитироваться не только сама архитектура, но и эпоха Средневековья в целом. Поэты и писатели снова вспомнили о прекрасных дамах и бесстрашных рыцарях, совершающих отважные подвиги. Романы англичанина Вальтера Скотта, проникнутые глубоким романтическим духом, в большинстве стран стали в своём роде «бестселлерами», воспринимаемыми «на ура» многими благодарными читателями. Любимые персонажи книг начали обретать статус героев и становиться возвышенными идеалами для современников.

Во Франции настоящим «фурором» для широкой публики стало появление легендарного романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери». Наполненная глубоким драматизмом история трагической любви горбуна Квазимодо к цыганке-танцовщице Эсмеральде покорила даже самые чёрствые сердца. В центре внимания, ко всему прочему, оказался и старинный готический храм, воспетый В. Гюго с яркой поэтической интонацией.

Но, с другой стороны, многие суеверные люди и в XIX столетии ещё продолжали испытывать чувство страха перед эпохой Средневековья. В частности, они боялись посещать отдельные культовые места, связанные с мистическими событиями. Вот, например, как высказалась на этот счёт известная чешская писательница К. Светлая в своём романе «Дом у пяти колокольчиков»:

«Дело в том, что развалины были для пражан предметом суеверного ужаса и источником бесчисленного множества страшных историй и слухов. Говорили, что запоздалым путникам не раз случалось слышать глубокой ночью отчаянные крики, доносившиеся из подземелий; кому-то чудилось бряцание оружием, звон цепей, зовы о помощи, слёзные мольбы о милосердии; иные же своими глазами видели, как по развалинам бродят некие фигуры – одни в белых саванах, другие в облачении неизвестных в Чехии монашеских орденов, третьи в одеянии палачей, видели орудия пыток и мечи для свершения казней. /.../ Некоторые настаивали, что в подвалах часовни и сейчас ещё устраивают свои собрания свободные каменщики, чьими предшественниками она была сооружена в XIV веке. Другие, напротив, столь же твёрдо были убеждены в том, что иезуиты... тайно вершат здесь кровавую расправу над теми своими недоброжелателями, против которых из-за недостатка улик нельзя было открыто поднять карающий меч правосудия, и умышленно стремятся произвести впечатление этими ужасными сценами

и распространяемыми потом страшными слухами, с целью напомнить людям, что за их душами продолжают следить, следить всё с той же бдительностью, что и прежде, хоть в нынешних обстоятельствах это возможно осуществлять лишь тайно».

В Чехии на протяжении долгого времени была очень популярна легенда о подвиге славного рыцаря Далибора. Борец за свободу и справедливость, он смело выступил на защиту крестьян, обиженных их деспотичным хозяином – бургграфом. Убив последнего, рыцарь был заточён по королевскому приказу в тюрьму. Башню, в которой он по преданию провёл около двух лет, в Праге даже прозвали Далиборкой. В тюрьме рыцарь якобы научился играть на скрипке и многие из горожан специально подходили к стенам каменной башни, чтобы насладиться чудесными звуками музыкального инструмента. На этот сюжет, в котором, возможно, больше вымысла, нежели правды, в конце XIX века композитор Б. Сметана даже написал оперу.

Честь, достоинство, благородство души – вот то, что, раз за разом, стали выискивать писатели в людях эпохи Средневековья. Однако при этом, надо признать, вдохновленные романтики заметно приукрашивали реальность старины. В действительности, в «тёмные века» положение дел было отнюдь не столь радужным и далеко не во всём могло соответствовать их возвышенным мыслям.

Человек XIX столетия, очутившись на улицах средневекового города, наверное, или откровенно пришёл бы в ужас от увиденных им картин, или, по крайней мере, почувствовал себя явно «не в своей тарелке». Подобное путешествие во времени – в эпоху гуситских войн – совершил, к примеру, герой небезызвестного произведения чешского писателя Святоплука Чеха пан Броучек.

Писатель оценил возможности своего персонажа, принадлежащего к числу обыкновенных пражских обывателей, как подлинный реалист. Книга С. Чеха «Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие» вышла в свет в 1888 году, в период активного формирования в Чехии буржуазных умонастроений.

Пан Броучек – это, в целом, типичный представитель своей эпохи, домовладелец, наживший определённое состояние путём сдачи в наём жилых помещений. Он явный антипод герою авантюрно-романтического склада. Недвижимость, которой владеет пан Броучек, придаёт ему твёрдую уверенность в завтрашнем дне. Можно сказать, он в глубине души даже ощущает некоторое превосходство над окружающими людьми.

С другой стороны, пана Броучека нельзя отнести и к числу закоренелых прагматиков. Иногда его всё же посещают романтические умонастроения. В юности он, в частности, прочитал несколько рыцарских романов и с интересом прослушал ряд историй о событиях далёкого прошлого, о которых ему поведали старые люди. Но, несмотря на познания об инквизиции, «железной деве» и прочих кошмарах Средневековья, герой произведения С. Чеха поначалу относился к нему не без определённой доли уважения. Более того, он иногда даже испытывал тоску по давно ушедшим временам. Ему, как и многим другим, казалось, что в глубокую старину жилось гораздо лучше, нежели в XIX столетии. Он, в частности, иногда, почти всерьёз, сожалел о том, что «фальшивый гуманизм» отнял у него возможность как следует «прижать к стенке» должника, который из принципа долго не платит за квартиру.

Необычайные события начинаются в уютном кабачке «Викарке» на Градчанах, при посещении которого сам С. Чех, по его собственному чистосердечному признанию, не раз оказывался под воздействием каких-то романтических чар. Писатель всегда с удовольствием заглядывал в этот нетронутый современной цивилизацией уголок Старой Праги. Рассказывая о «Викарке», С. Чех, буквально, обрушил на читателя целый поток собственных живых впечатлений:

«Подходишь ли к нему с тыла, поднявшись по Старой замковой лестнице, пройдя через ворота у печальной Чёрной башни и миновав строение бургграфства и седые башни базилики Св. Иржи, или же с фасада, идя по Новой замковой лестнице, мимо старых дворянских домов,

вдоль позднего портала Скамоцци, но когда, вступив на Третий двор замка, оказываешься перед величавым колоссом собора, стремящим к небу каменный лес декоративных колонн и арок, из всех углов вдруг выступают тени тысячелетнего прошлого и наполняют мою фантазию кипением мрачных и пёстро сверкающих образов. Из сумрака давних веков всплывает передо мною рой первых христианских храмов; вижу таинственный взгорок Жижи, где когда-то священное пламя высоко взлетало в кругу славянских жрецов; вижу и каменный престол, на котором старинные Пршемысловичи обувались в лыковые лапти своего праотца».

Как истинный пражанин, С. Чех не может окунуться в далёкое прошлое, минуя архитектурный шедевр готической эпохи. Стены знаменитого собора тоже возвышаются в непосредственной близости от «Викарки». Автор, в частности, добавляет:

«Но вдруг расплываются эти картины, и вместо них встает передо мной храм Святого Вита; ещё не достроены его хоры, но уже сияет он во всём блеске своей новой красоты, и входит в него Карл в золотом королевском одеянии, окружённый блистательной свитой духовенства и рыцарей; потом появляется строгая фигура вифлеемского проповедника, смело прибывающего свой вызов на диспут о торговле индульгенциями на двери храма; тут кудрявая голова Иржи из Подебрад гордо несёт сияющую корону; там Владислав Польский шествует во всём своём великолепии; вдруг заполняется двор иноземными фигурами в испанских одеждах или в тёмных ризах астрологов; а теперь в телегах, окружённых отрядами наёмников, совершают свой крестный путь к Белой башне белогорские мученики – и дальше, всё дальше ткётся причудливое полотно картин радостных и печальных, возвышенных и ужасных.

На минуту освобождаюсь от власти прошлого и с удовольствием гляжу на поднимающиеся стены нового нефа храма, которым наше время дополнит великолепное творение эпохи Карла. Но узенькая Викарская улочка снова переносит меня в давно прошедшие времена. Я вспоминаю о бурных событиях, столь часто в дни религиозных распрей и раздоров нарушавших покой пражских каноников, чья трапезная находилась, по-видимому, как раз там, где вас встречает сегодня скромный трактирчик пана Вюрфеля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.